

**Битва за Москву 1941—1942 гг. в документальном фонде
Государственного Бородинского военно-исторического
музея-заповедника**

Коллекция музейных предметов, посвященная событиям Великой Отечественной войны на Бородинском поле, складывается в музее в течение нескольких десятилетий. В экспозиции «Бородино в годы Великой Отечественной войны» широко представлены вооружение, предметы солдатского быта, фотографии и документы, археологические находки с мест боев. Экспозиции и выставки, фондовые коллекции — результат кропотливого труда нескольких поколений сотрудников музея, их добровольных помощников — ветеранов 5-й армии: Я. И. Ефимова, В. К. Чевгуса, В. Д. Морозова, К. К. Билева, Г. С. Лобашова и многих других. Особый интерес у военных историков, музейных работников, журналистов вызывают материалы документального фонда. Это прежде всего личные документы воинов 5-й армии, партизанские реликвии, периодическая печать 1941 — 1942 гг., воспоминания ветеранов, хронологически связанные с Московской битвой в Великой Отечественной войне.

В октябре 1941 г. в течение шести дней воины 5-й армии сдерживали наступление немецко-фашистских войск на Можайском направлении. Первый бой красноармейцы 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии приняли на Бородинском поле 12 октября 1941 г. После ожесточенных боев под натиском превосходящих сил противника части 5-й армии ушли, чтобы через три месяца вернуться. 21 января 1942 г. воины 82-й мотострелковой дивизии (также из состава 5-й армии) салютовали освобожденной священной земле. Воины армии держали оборону на Можайском направлении, в нескольких десятках километров от Бородина, до весны 1943 г.

В экспозиции «Бородино в годы Великой Отечественной войны» экспонируются два уникальных документа: почтовые открытки, отправленные с Бородинского поля участниками октябрьских боев 1941 г. П. П. Сарыгиным и М. М. Казимировым. Авторы называют точное место дислокации — Бородинское поле: «вольность», недопустимая по условиям военного времени. Рука цензора не поднялась, чтобы вымарать святые для каждого русского человека слова.

В далеком Кемерове, где семья находилась в эвакуации, Антонина Михайловна Сарыгина, жена капитана П.П. Сарыгина, начальника штаба 133-го легко-артиллерийского полка, прочитала своим малолетним детям: «Живу на поле Отечественной войны, где вел бой Кутузов. Силы наши крепки и дух тоже. Крепите тыл»¹. Открытка датирована 13 октября 1941 г. На следующий день Павел Петрович также на бланке почтовой карточки торопливо известил: «Вступили в бой...»² Это известие оказалось последним.

Письма, отправленные родным и близким участниками боев на Можайском направлении, составляют значительную часть документального фонда. Это письма И. Ф. Черкашина (сначала радиста радиороты 130-го отдельного батальона связи 82-й мотострелковой дивизии, а с декабря 1941 г. — инструктора политотдела дивизии), А. А. Лебедева, корреспондента газеты 5-й армии «Уничтожим врага», Л. Гудина командира артбатареи 601-го мотострелкового полка, других бойцов и командиров.

Разные по характеру и содержанию — патриотические, пронизанные тревогой и болью за близких и родных, нежные и лирические, по-молодому задорные — они объединены одной мыслью: «Враг будет разбит, победа будет за нами!» Никто из авторов, отправлявших свои письма в 1941 — 1942 гг., и не предполагал, как далека желанная цель, как далека победа.

Не суждено было дожить до светлых дней 23-летнему Льву Гудину. Его восторженное письмо, письмо освободителя, датированное 20 января 1942 г., демонстрируется в экспозиции «Бородино в годы Великой Отечественной войны»: «Я жив, здоров и весел, чего и вам желаю. Сегодня мы взяли город Можайск. Эх, и наколотил своей батареей этих паразитов. А как, мама, нас встречает население! В Можайске мне пришлось целоваться с женщинами. Ты не представляешь, как они рады нам»³.

А еще в одном письме А. Гудина есть такие строки: «За сына, мать, будь спокойна. Если умру, так умру не трусом, а героем»⁴. То, что А. Гудин, несмотря на молодость, был смел и храбр, пользовался уважением, авторитетом у однополчан, свидетельствуют воспоминания К. К. Билева, Я. К. Кубрака, других ветеранов 82-й дивизии. Погиб А. Гудин в апреле 1942 г. близ д. Хвощевка, километрах в двадцати от Бородинского поля. Каждый год ветераны дивизии

обязательно навещают его могилу. Пока были силы у матери, ежегодно приезжала и она. Манефа Георгиевна передала в музей письма сына, награжденные документы, извещение о его гибели.

В числе погибших в октябре 1941 г. в районе станции Бородино был и старший лейтенант В. Забазнов, который, как указано в извещении, «похоронен в братской могиле на Бородинском поле»⁵. Его память, как и сотен других бойцов и командиров, увековечена в мемориальном зале экспозиции «Бородино в годы Великой Отечественной войны».

Фамилии некоторых были установлены благодаря медальонам, обнаруженным при перезахоронении. В крошечных анкетах, вложенных в пластмассовые капсулы, — минимум сведений: фамилия, адрес родственников, год рождения...

17 ноября 1942 г. приказ Наркомата обороны отменил индивидуальные медальоны, введя красноармейские книжки (до тех пор медальоны позволяли опознавать погибших и тяжелораненых). С помощью записок, найденных в медальонах на Бородинском поле, удалось вернуть из небытия почти 40 имен. Осенью 1999 г. близ Нового села были обнаружены останки шести красноармейцев. Удалось установить фамилию лишь одного из них — Швецова Аксена Андреевича, 1911 г. рождения, уроженца д. Кукушки Исет-ского района Омской области. В октябре 1999 г. приехали на Бородинское поле его дочь, Феоктиста Аксеновна, и внук Иван. По православному обычаю воинов отпели в храме, перезахоронили, отдав павшим последние воинские почести. А записка из медальона получила музейный номер...

К числу не менее уникальных материалов документального фонда относятся дневниковые записи военных лет. Делались они, как правило, в крошечных записных книжках, чаще всего карандашом, вопреки воинской дисциплине, запрещавшей ведение дневников.

Загрязненными, в разрывах, со значительными утратами текста попали в фонды музея фронтовые записные книжки А. И. Глухова, радиста 4-й батареи 572-го артполка Резерва Главного командования. Александр Иванович — в послевоенные годы редактор издательства «Колос» — сам помог сотрудникам музея в расшифровке текстов. В одной из записных книжек зафиксированы события с 14 по 23 октября 1941 г.:

«Приехали в Можайск утром 15.X. Станция и депо разбиты, зияют глазищами выбитых окон. Около депо огромный котлован воды и взорванные рельсы. Ни дежурных по станции, ни кого из людей. На стене вокзала висит клочками оборванная карта дорог... Вылезли из вагонов и стали сгружать с платформ орудия и снаряды. Шел мелкий снежок, перебиваемый ветром. Бесперывно ухают рядом пушки...»

«Сижу в траншеечке, в ногах ящики с бутылками (горючей смесью) против танков, рядом со мной Сахаров Володя. За нашей траншеечкой рядом устроился с телефонным аппаратом Тимохин. Я сделал в траншеечке настил из досок, чтобы повыше — удобнее бросать бутылки, и положил сена. Если убьют или ранят, то лучше как-то умереть на соломе. Траншеечка узенькая, и я весь в глине...»

«17 октября 1941 г. На огневую позицию прилетали немецкие самолеты-бомбардировщики. Мы залегли в кустах. Немецкие самолеты — до 30 штук — бомбили соседнюю деревню Кукарино и Можайск»⁶.

Командир 65-го отдельного противотанкового дивизиона 32-й дивизии Николай Николаевич Беляев зафиксировал в своей записной книжке некоторые моменты последних боев на Бородинском поле.

«17 октября. Что же в конце концов получилось? Мы здесь почти все — артиллеристы. Кругом противник... Полосухин с нами. Его бодрость придает нам силы. Был он у меня, пообедал.

...Взвод Кушнарева — в засаде за деревней Псарево. Около 15 — 00 из нее стала выдвигаться колонна немецких танков. Орудия открыли по ним беглый огонь. Погиб командир орудия Плюхин.

18 октября. Дивизия ведет упорные и кровопролитные бои. Бородинское поле по-прежнему в наших руках. Утром немцы произвели по селу Семеновское артиллерийский налет, который длился минут 20. Орудия Куликова и Зареи, кого в этот день подбили и уничтожили несколько танков. Эти командиры орудий и наводчик Лихачев достойны награды.

Это последний день боя. Немцами занят Можайск, и мы у них оказались в тылу...»⁷

Ценны своей конкретностью свидетельства еще одного участника Московской битвы — П. Ф. Цуканова, военфельдшера, с 1942 г. — секретаря комсомольской организации 154-го гаубичного артполка 32-й стрелковой дивизии. Обветшали хрупкие странички его записных

книжек, выцвели чернила, не всегда понятен торопливый почерк: не за письменным столом делались эти заметки...

«В боях на Бородинском поле в октябре 1941 г. П. Ф. Цуканов проявил себя смелым, отважным бойцом. Не жалея ни сил, ни жизни, под пулями и осколками выносил с поля боя раненых и оказывал им первую медицинскую помощь, за что был награжден медалью "За боевые заслуги"⁸, — такую по-военному лаконичную характеристику дал своему однополчанину бывший командир артполка В. К. Чевгус. 154-й гаубичный артполк, как и многие другие, отличившиеся в битве под Москвой, весной 1942 г. стал гвардейским.

24 мая 1942 г. Петр Федорович Цуканов записал в своем дневнике: «В 19—00 военком получил сообщение о присвоении нам высокого и почетного звания гвардейцев. Как и всегда, срочно вызвал нас к себе на инструктаж. Я получил задание идти проводить митинг в шестую батарею. На митинг я не шел, а бежал. Радости всех не было конца. Особенно радовались старые бойцы и командиры, которые фактически заслужили это высокое звание. Многие танцевали, пели, прыгали, как малые ребята ...»⁹

Принимая славное знамя советской гвардии, воины клялись «драться, пока наши руки держат оружие, пока глаза видят землю, пока в груди бьется сердце...»¹⁰ (текст присяги, подлинник 1942 г., экспонируется в музее).

Дополнительным источником информации при сборе материалов о Великой Отечественной войне служат различного рода удостоверения, справки, другие личные документы.

В ноябре 1991 г. из семьи В. С. Костикова, ветерана 82-й мотострелковой дивизии, поступил комплекс материалов: документы, предметы быта, награды. Среди документов была и красноармейская книжка. Кроме сведений о прохождении службы на основании записей в книжке были установлены даты получения наград, так как на некоторые из них наградные документы были утрачены.

Комсомольский билет Н. В. Калмыкова, рядового 53-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона 32-й стрелковой дивизии, — свидетельство того, что комсомольцем рядовой Калмыков стал в октябре 1941 г., во время октябрьских боев на Бородинском поле. Билет вручен был ему позже, 13 января 1942 г., когда дивизия вела бои по освобождению Подмосковья.

В октябре 1941 г. сооружением оборонительных укреплений на шоссе Москва — Минск, в районе Бородинского поля, занимались бойцы 467-го отдельного саперного батальона. Это зафиксировано в удостоверении, выданном командиру третьей роты М. Б. Вейсману. Дата выдачи документа — 10 октября 1941 г. А 12 октября на магистрали уже шли бои...

События, происходившие в октябре 1941 г. на передних рубежах Можайской линии обороны, приковывали к себе пристальное внимание не только в нашей стране, но и за рубежом. Интерес представляют два номера русской газеты «Вечерняя заря», издававшейся в Шанхае (Китай), за 16 и 28 октября 1941 г. с материалами о битве за Москву. Дается характеристика положения под Можайском и Малоярославцем, в статьях акцент делается на стойкости русских, обороняющих свои святыни.

Многочисленные публикации о героизме красноармейцев характерны для фронтовой печати того периода. В фондах музея хранятся дивизионные и армейские газеты «Ворошиловец», «Уничтожим врага», «Защитник Отечества», «Суворовский натиск», «За Родину» и др.

Г. К. Жуков в одной из своих послевоенных статей посчитал возможным упомянуть о политработниках, помогавших командирам. Дань времени? Но издания политуправления Западного фронта, находящиеся в фондах музея и уже неоднократно экспонировавшиеся на выставках, свидетельствуют о том, что помощь была, причем очень действенной. «Были выпущены десятки листовок о тактике немецко-фашистских войск и свойствах отдельных видов вооружения врага. Особенно много внимания уделялось борьбе с танками...»¹¹

Вот подобная листовка: маленькая, на серой некачественной бумаге. Весь текст — четыре строки, набранные синими буквами: «Танки сдержи ураганом огня! Твердо запомни: горит и броня!»¹²

Издавалось много листовок-призывов: «Воины Красной Армии! Постоим за Родину, как стояли Суворов, Кутузов, Александр Невский!»¹³; «За честь жены, за жизнь детей, за счастье Родины своей, за наши нивы и луга — убей захватчика-врага!»¹⁴

Осенью 1941 г. политуправление Западного фронта начало издавать журнал «Фронтовой

юмор». Обращаясь к читателям, редакция призывала бойцов и командиров стать не только активными читателями, но и авторами нового издания: «Шлите нам фельетоны, частушки, пословицы, поговорки, басни, фотоснимки, карикатуры, темы для них»¹⁵. Творческий союз состоялся, журнал получился ярким, насыщенным. Сейчас, спустя несколько десятилетий, взыскательный критик может отметить примитивность некоторых публикаций, найти отсутствие рифм в грубоватых стихах. Но в промерзших окопах и траншеях, в сырых блиндажах соленой шутке, солдатской байке было самое почетное место. Иногда автор скрывался за «жгучим» псевдонимом типа «Кондрат Крапива», некоторые заметки подписаны штатными сотрудниками журнала, много материалов, присланных с фронта.

Художник П. Соколов-Скаля (Фронтовой юмор. 1941, № 4, декабрь) откликнулся на известие о том, что на Можайском направлении против Красной Армии сражаются французские легионеры. Над замерзающим французом склонилась тень наполеоновского солдата: «Дурак ты, дурак! Меня Наполеон отсюда не сумел увести, а ты на Гитлера понадеялся...» Рисунок предшествует пояснительный текст: «На одном из участков нашего фронта взят в плен француз-легионер. На допросе он показал, что на Западный фронт они прибыли в конце октября. Из двух батальонов общей численностью в 960 человек к концу декабря их осталось менее одной трети»¹⁶.

Несколько номеров журнала посвящены освобождению Можайска и Бородинского поля. В каждом из них рефреном идет тема Отечественной войны 1812 г. Теперь (1942. №7) Соколов-Скаля обратился к образу полководца М. И. Кутузова. Стоя на Бородинском поле, Михаил Илларионович указывает красноармейцу направление атаки. Здесь же художник поместил слова фельдмаршала: «Русские не прежде пожелают вкусить сладости мира, как истребив коварного неприятеля, осквернившего своим нападением землю отцов наших»¹⁷.

Хранятся в фондах экземпляры можайской районной газеты «За большевистские колхозы», вышедшей в первые дни после освобождения, с материалами «Праздник освобождения», «Жизнь возрождается вновь», «Три месяца под фашистским игом».

7 февраля в «Правде» (номер хранится в музее) был опубликован очерк О. Курганова «Мать» о подвиге уваровской партизанки А. М. Дрейман.

Во время оккупации района на его территории действовали несколько партизанских отрядов. Среди документов бывших партизан — комсомольский билет В. Байкова, паспорт А. Балина, удостоверения к наградам В. Былкина. Много материалов в фонде Г. И. Абрамова. Его имя хорошо известно можайцам. О подвиге Георгия Ивановича, одного из организаторов партизанского движения Можайского района, напоминает мемориальная доска на здании Можайской средней школы № 1. Абрамов в предвоенные годы работал директором этой школы. А вот из трудовой книжки Абрамова, хранящейся в музее, выясняется, что в мае 1941 г. он уже был переведен на должность заведующего районным отделом народного образования, но приступить к работе на новом месте фактически не успел. Так и остался в памяти всех директором школы.

8 числе немногих картографических материалов — карта Уваровского района Московской области, которой пользовались партизаны. Много схем — так ветераны пытаются реконструировать отдельные участки обороны, боев, участниками которых были.

Самую значительную часть документального фонда (более 400 ед. хранения — рукописных, машинописных, на магнитных лентах) составляют воспоминания ветеранов — участников боев на Можайском направлении.

В воспоминаниях военачальников (Д.Д. Лелюшенко, Л. А. Говорова — в разное время командовавших 5-й армией, И. И. Биричева, командира 108-й стрелковой дивизии) дается общая оценка событий, приводятся примеры героизма защитников столицы. Бывшие командиры полков, батальонов, начальники штабов, политработники (В. К. Чевгус, Я. И. Ефимов, А. П. Пастушенко и др.) пытаются восстановить хронологическую последовательность военных действий, опираясь на документы Центрального Архива Министерства Обороны. Многие описывали локальные события, предварительно побывав на местах боев, уточнив места расположения своих частей, наблюдательных пунктов, огневых рубежей.

Очень конкретны, достоверны свидетельства В. К. Чевгуса, бывшего командира 154-го гаубичного артполка, П. П. Варганистова, в 1941 г. — помощника начальника штаба 509-го артполка, В. В. Дмитриева, командира транспортного взвода 210-го мотострелкового полка 82-й мотострелковой дивизии, А. П. Емельянова, командира 572-го противотанкового артполка

Резерва Главного командования, Ф. С. Иванова, адъютанта комдива В. И. Полосухина, П. М. Смылова, ветерана 18-й танковой бригады, В. В. Водиной, медсестры отдельной роты медицинского усиления 5-й армии, и многих других.

В первой пулеметной роте, прикомандированной к 32-й дивизии, воевал Тимофей Петрович Афанасьев: «10 октября 1941 мы заняли оборону на Бородинском поле как пулеметная рота, в подготовленных пулеметных гнездах (бронированных), неподалеку от музея "Бородино". Рабочие, не доделав их, уходили, а мы занимали»¹⁸.

В составе батальона курсантов Военно-политического училища имени В. И. Ленина сражался на Можайской земле А. В. Тихонов. Страшные бои в районе Ельни, Артемок, Сивкова запомнили на всю жизнь немногие из оставшихся тогда в живых. Через несколько десятков лет А.В. Тихонов приехал в Бородинский музей на экскурсию. Когда в экспозиции «Бородино в годы Великой Отечественной войны» ветеран увидел фотографии тех, с кем лежал в окопах на Бородинском поле осенью 41-го, у него потемнело в глазах. «Для меня это было такой неожиданностью, что я на какое-то мгновение отключился, потеряв сознание, упал в зале музея»¹⁹, — писал впоследствии А. В. Тихонов. Бывший курсант вспоминал: «Училище дислоцировалось в районе станции Кубинка. Вечером 5 октября горнист сыграл тревогу. Был поднят батальон курсантов в составе 600 человек и отправлен из Кубинки в сторону Можайска. Колонну... повели опытные командиры Бородин и Малыгин (А. П. Бородин, капитан, командир роты, и М. Т. Малыгин, майор, командир батальона, погибли в боях на Бородинском поле. — Г. Н.). Вооружены были винтовками, часть из которых были учебные, пригодные для рукопашного боя (штыком и прикладом). Сухой паек (на несколько дней) несли в вещмешках. Обоз училищу штатом не предусмотрен. В пути нам выдали по две гранаты и по бутылке с горючей жидкостью для борьбы с танками»²⁰.

12 октября батальон принял первый бой в районе Ельни. «Был он коротким — гитлеровцы не ожидали здесь такого серьезного сопротивления. Потеряв несколько танков и бронетранспортеров, они отошли назад»²¹.

М. С. Самойлов, в 1941 г. в звании лейтенанта, командовал 1-й батареей 121-го противотанкового полка 32-й дивизии. Орудия батареи были установлены в центре Бородинского поля, у Курганной высоты (батареи Раевского), между селом Бородино и деревней Горки. «Если не изменяет память, — пишет Максим Сергеевич, — во втором часу дня 12 октября 1941 г. в районе нашей батареи высоко в небе появилась группа немецких самолетов-бомбардировщиков. При появлении самолетов батарея открыла огонь, самолеты сбросили несколько бомб у четвертого орудия и у села Бородино. Развернулись и улетели на запад... В это время мне сообщили из штаба полка, что на Минском шоссе идет сильный бой, напомнили мне быть в боевой готовности»²².

О том, что бои на Бородинском поле начались именно 12 октября 1941 г., пишут очень многие ветераны, в противовес утверждениям некоторых источников, что боевые действия здесь начались 13 октября.

Бывший командир 6-й батареи 2-го дивизиона 154-го гаубичного артполка подполковник в отставке А.С. Лезговко придал своим воспоминаниям научный характер и провел исследования на тему: «Действия артиллерии на Бородинском поле в октябре 1941 года». Лезговко отметил, что в довоенное время при подготовке гаубичных расчетов не обращалось должного внимания на возможную борьбу с танками, бронемашинами, моторизованной пехотой противника. В условиях Подмосковья, подчеркивает бывший артиллерист, «где местность лесистая и видимость с НП не превышает полутора — двух километров, при массированном применении немцами танков основными факторами успеха артиллерии стали:

- ведение огня на ближних дистанциях,
- максимальная скорострельность,
- безукоризненная точность стрельбы,
- высокое морально-психологическое состояние личного состава»²³.

В ходе боев на Бородинском поле батарея несколько раз меняла свои позиции. 15 октября «батарея вела огонь почти без перерыва, как по пехоте, так и по танкам с закрытой огневой позиции. Во второй половине дня с огневой позиции доложили, что танки противника в количестве 10—12 штук движутся на батарею со стороны ст. Бородино. Отдал приказ отразить атаку танков, подпустив их на дальность прямого выстрела... В этом поединке было подбито 4 танка, несколько получили повреждения, остальные отошли в юго-западном направлении к деревне Утицы. Не прошло и часа, как появились машины противника с пехотой. После

отражения пехоты противника обстановка очень осложнилась. Огневая позиция, не имея прикрытия с тыла и флангов, практически была полуокружена»²⁴.

18 октября немцы, обойдя сражавшихся на Бородинском поле, заняли Можайск. Поэт Сергей Васильев, в 1942 г. написавший поэму «Москва за нами», посвященную отважным воинам 32-й дивизии, вспомнил и об этом печальном дне:

Мы отошли. Но помни нас, страна, —
Мы здесь стояли за тебя стеною.
Враги продвинулись. Но стороною,
Как черти ладана боясь Бородина²⁵.

Шестидневная задержка врага на Бородинском поле позволила командующему Западным фронтом Г. К. Жукову подтянуть резервы и в районе Кубинки создать новую оборонительную полосу. Здесь в конце октября противник был остановлен.

Освобождала Можайск и Бородино та же 5-я армия.

Вспоминает В. Д. Демин, бывший связист, сержант 601-го мотострелкового полка 82-й дивизии:

«Идем лесом к перекрестку Минского шоссе с Верейским. В 12 часов ночи с 13 на 14 января достигли перекрестка. Справа горят Шелковка и Дорохово. Минское шоссе покрыто глубоким снегом, видимо фашисты им не пользовались. Под снегом густо наставлены мины. Идем осторожно след в след. Сворачиваем вправо и идем полем на Моденове. Шашисты перед деревней устроили засаду. Они ждали нас по Можайскому шоссе со стороны Дорохово, а мы ударили по ним сбоку.

Удар был стремительный, и фашисты, оставляя убитых, бегут по шоссе, к Можайску. Сходу занимаем следующую деревню. Впереди рота Тамайкина. На подступах к деревне Кожухово была уже не засада, а подготовленный рубеж обороны. Они нас встретили не только автоматным и пулеметным огнем, но и минометным. Первая наша атака отбита, наши подразделения прижаты в снег минометным огнем. Вдоль шоссе и из домов бьют по нам пулеметы.

Первым не выдержал сержант Полустовский — начальник направления проводной связи от КП полка к батальону. Он встал во весь рост и с криком "Вперед, за Родину!" устремился на врага, стреляя на ходу из карабина. Поднялись еще человек десять, а вслед за ними и все остальные бойцы. В это время справа от леса в деревню врывается Тамайкин со своими орлами. Враг бежит.

И когда, преодолев глубокий снег, бойцы добежали до крайних домов, фашистская пуля сразила Полустовского. Впоследствии "доморощенный" поэт роты связи Аихота написал большое стихотворение "На смерть Полустовского".

На высоте между Кожухово и Можайском — снова оборонительная полоса противника, и снова — бой...»²⁶

В фондах музея хранится папка, переданная Я. И. Ефимовым, бывшим начальником политотдела 32-й дивизии. В ней собраны письма-воспоминания его боевых товарищей. Часть из них посвящена не только событиям на Бородинском поле, но и периоду трехмесячных оборонительных боев в районе Акулово — Кубинки, событиям 1942 г.

В. А. Болотов, ветеран 78-й стрелковой дивизии, которая в районе Акулово стояла на стыке с 32-й дивизией, на всю жизнь запомнил встречу с девушкой, о подвиге которой позже узнала вся страна:

«В ноябре 1941 г., когда я работал переводчиком немецкого языка в штабе 78-й стрелковой дивизии, к нам в разведотдел провели девушку. Она была одета в новенький, только что со склада, ватник, в темносинюю юбку, на голове была шапка, под ватником — свитер. Лицо девушки было настолько выразительным, что я помню его до сих пор: на лоб спускалась челка волос, глаза чуть раскосые, нос прямой, несколько шире в нижней части, чем обычно бывает. Самым поразительным, однако, была ее кожа: она была какая-то эластичная, матовая. Может быть, мне это показалось так при свете лампы и коптилок — был уже вечер.

Девушку провели к начальнику разведки капитану Тычинину...Тычинин дал указание вооружить девушку пистолетом и бутылками с "КС" — зажигательной жидкостью...

Разговаривая с работниками разведки, Тычинин назвал фамилию этой девушки, но исказил ее: Козьмодемьянская. Когда кто-то из присутствующих сказал, что у нее какая-то странная фамилия, Тычинин ответил, что у нее древнерусская фамилия, что сама она из Москвы»²⁷.

Далее Вениамин Алексеевич рассказывает о потрясении, которое испытал, увидев в феврале в «Правде» фотографию казненной в Петрищеве Зои Космодемьянской.

В декабре 1941 г. Красная Армия под Москвой перешла в наступление. Значительно поднялось настроение войск, защищавших столицу. Новый 1941-й г. войны 5-й армии встречали по-прежнему в обороне: на Можайском направлении контрнаступление только разворачивалось.

Николай Иванович Потапов, в декабре 1941 г. — командир батальона 113-го стрелкового полка, часть своих воспоминаний озаглавил «Новогодний бал». Батальон занимал оборону в районе Нарских прудов. К Новому году бойцы получили посылки с подарками из тыла. В одной оказались даже новогодние игрушки и маска Деда Мороза. Сосну метрах в 200 от траншей красноармейцы нарядили елкой, а повар временно стал Дедом Морозом. Поочередно с наступлением темноты отводили с передовой небольшие группы бойцов, под музыку (играл гармонист!) им вручали небольшие подарки, выдавали праздничный ужин. В девять вечера получили поздравление от комдива В. И. Полосухина. Поздравление заканчивалось указанием: «К вам на НП батальона придет представитель от "Катюш", хорошо бы организовать "поздравление" фрицев». Вот тогда бойцы батальона и решили устроить немцам праздничный фейерверк. Далее Н. И. Потапов подробно описывает все происшедшее в ту ночь: разведку боем в занятой немцами деревне Выглядовке, взятие языка, мощный артналет. И «в завершении всего мы увидели необычное зрелище — в морозном небе из наших тылов протянулись до Выглядовки шипящие нити, похожие на вспышки молний. Затем вслед за дробным взрывом над деревней засияло зарево. И установилась на несколько минут непривычная тишина. Потом — фашисты опомнились...»²⁸

О Выглядовке, но уже в другой связи, пишет ветеран 17-го стрелкового полка А. П. Пастушенко. Оказывается, нашим красноармейцам одно время противостояли там испанские фашисты, которые «прибыли в летнем разноцветном обмундировании, и мы их называли фазанами. Вскоре Голубая дивизия начала вагонами отправлять в далекую Испанию трупы убитых и замерзших...Растрепанную Голубую дивизию, так и не оправдавшую надежд немцев, убрали с нашего фронта»²⁹.

Главное организационно-мобилизационное управление Генерального штаба на протяжении последних лет занималось обобщением данных о потерях Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Впервые обнародованы страшные цифры жертв. Более четырех миллионов человек числятся пропавшими без вести, попавшими в плен. Вернулись из плена немногие. Михаил Михайлович Казимиров, в 1941 г. — начальник штаба 2-го батальона 17-го стрелкового полка, в плен попал раненым, руководя группой прикрытия в районе с. Борисова, после выхода из окружения с Бородинского поля. В начале бородинских боев он успел отправить домой почтовую карточку с указанием места, которое будет защищать, с пожеланием здоровья и благополучия родным и близким.

Первый лагерь для военнопленных, куда попал М.М. Казимиров, был в Дорохове, второй — в Можайске. Голодных, оборванных, немцы гнали их дальше и дальше от линии фронта. В один из дней прошли через Бородино, которое защищали совсем недавно. У деревни Ерышово близ Колоцкого монастыря вечером колонну пленных остановили на большой поляне. «И вдруг со всех сторон зажглись ослепительные огни. Мы сразу от резкого яркого огня ослепли, а потом, когда глаза привыкли, увидели, что вокруг нас стоят кругом фашистские танки с зажженными фарами. В это время через микрофон передают: "Кто пересечет свет, будет расстрелян". Мы все сбились в кучу, чтобы не пересечь свет, и в куче теплее: потому что шел мокрый снег и дул пронизывающий ветер. Но толпа есть толпа — она не может стоять по команде "смирно". Она начинает качаться то в одну, то в другую сторону, и конечность этой толпы пересекает луч танка, а пулеметы танка сразу стреляют по толпе, а толпа начинает шарахаться то в одну, то в другую сторону, а пулеметы стреляют»³⁰.

Гжатск, Вязьма, Смоленск... На каждом этапе пути немцы каждый день придумывали новые методы уничтожения пленных. Как выжил? Об этом — десятки страшных страниц и рисунков: виселицы, немцы с собаками, ямы с трупами. Удалось в 1943-м, уже в Смоленске, бежать. После проверки воевал в штурмовой роте. Прошитый в атаке пулеметной очередью, опять боролся за собственную жизнь, теперь в госпиталях. Учился заново ходить, действовать руками. Сколько сил и мужества надо было этому человеку, чтобы он снова встал в строй! На фронте, правда, больше не был, но в 1945 г. вместе со всеми в должности заместителя командира резервного полка М. М. Казимиров встречал победу.

Закончившись весной 45-го, война осталась в памяти ее участников навсегда. С. Д. Сорокин, ветеран 113-го стрелкового полка, в письме другу (1977 г.), подытоживая болячки и болезни, бесхитростно пишет: «Все это, в общей сложности, результат войны во мне». И далее: «35 лет после войны. А во сне на тебя лезут немецкие танки, и опять я лягу у своего станкового пулемета и стреляю, опять над твоей головой летят ихние самолеты... Как называется такое явление в организме?» И отвечает сам себе: «Метаастазы войны»³¹.

Уже 55-ю годовщину победы над гитлеровской Германией отметили оставшиеся в живых ветераны, а «метаастазы» так и не дают забыть былое. Вновь и вновь обращаются бывшие воины к трагическим дням обороны Москвы. Порой беспокоит не само прошлое, а то, как обращаются с ним потомки.

А. П. Пастушенко (его воспоминания уже приводились в обзоре) значительную часть своего труда посвятил февральским боям 1942 г. в районе деревень Васильки и Иванники, когда 32-я дивизия, глубоко вклинившаяся в оборону противника, более 20 суток истекала кровью, обстоятельствам, связанным с гибелью комдива В. И. Полосухина: «Линия фронта в те дни напоминала собой огромную бутылку, горловиной обращенную в нашу сторону. Немцы не раз пытались перехватить эту горловину»³². После войны Васильки и Иванники так и не возродились, и на современных картах их просто нет. «Там чистое поле, обильно нашпигованное осколками металла»³³. Прошли годы, и Можайская молодежь, движимая лучшими патриотическими чувствами, решила увековечить в камне подвиг красноармейцев, попутно изменив и название, которое сражавшиеся дали этим местам уже в 1942 г. Так Долина смерти стала Долиной славы. «Это неверно, — возмущается А. П. Пастушенко. — Разве для какой-то славы там умерло так много воинов? Название «Долина смерти» дано воинами, которые там сражались и умирали. За ними это право и должно оставаться навсегда... Памятник бы там поставить новый...»³⁴ Горький упрек ветерана справедлив и понятен: никто сейчас не ухаживает за мемориалом, порядок наводят от случая к случаю.

Сейчас, к сожалению, приходится уже вспоминать о времени, когда отряды мальчишек и девчонок в красных галстуках, школьники-комсомольцы, включившись в общесоюзное движение «Никто не забыт, ничто не забыто» брали под свою опеку памятники и братские могилы.

Каждое лето пионерские лагеря, находившиеся в Можайском районе, получали «боевые» задания от Бородинского музея, а в конце лета отчитывались на общерайонных смотрах. Десятки альбомов с этими отчетами, хранящиеся в документальном фонде музея, — свидетельство большой военно-патриотической работы, свидетельство трепетного отношения к истории Отчизны.

Пример задания из альбома-отчета одного из отрядов пионерского лагеря «Рубин»: «Привести в порядок братскую могилу в д. Рогачево. Записать рассказы местных жителей о боях в том районе, о фашистской оккупации»³⁵.

10 человек с рюкзаками за спиной (ночевка в палатках, вечера у костра — романтика!) отправляются в Рогачево. Другие отряды, получив аналогичные задания, уходят в Сивково, Артемки, Ельню...

В Ельне записывают со слов жителей, как немцы забавы ради поджигали дома, а изгнанных хозяев заставляли фотографироваться на фоне пожарищ, в Борисове — как расстреляли 28 мирных жителей за одного убитого немца, в Артемках — о разбое и грабежах, которые творились во время оккупации. В Рогачеве ребята приводят в порядок братскую могилу и перечисляют в своем отчете фамилии и цифры захороненных в ней красноармейцев — защищавших Бородинское поле в 1941 г. и освобождавших в 1942-м. Равнодушно читать записи, сделанные детьми, невозможно:

«Рассказ жительницы д. Ельня Родиной К.Н.

Раненый солдат сидел в погребу, скрываясь от немцев. Дети играли около погреба, ничего не подозревая. Вдруг послышался стон, раненый солдат просил пить. Дети сбегали в избу и принесли воды. Немцы это заметили и полезли в погреб. Вытащили раненого солдата на мороз и, раздев его догола, повели в сторону леса. Там они его расстреляли. Облив мертвое тело водой, они поставили его рядом с такими же обледеневшими статуями из мертвых людей. Это место называлось у немцев «Аллея мертвых»³⁶.

И все это — тоже битва за Москву. Поэтому и открывается детский альбом торжественным посвящением: «Защитникам Москвы — вечная слава и память наших сердец». Поэтому обещают ребята из отряда «Реставратор»:

Вспомним всех поименно, горем вспомним своим.

То надо не мертвым, это нужно — живым³⁷.

С каждым годом живых, тех, кто грудью заслонил Москву, становится все меньше, и поэтому каждое их слово, любые сведения об участии в Московской битве важны и ценны для потомков.

В течение длительного времени музей проводил анкетирование ветеранов 5-й армии. Собрано более 500 анкет. Даже предварительное знакомство с этим массивом документов позволяет сделать вывод о том, что содержащаяся в анкетах информация окажет существенную помощь в исследовании темы «Бородино в годы Великой Отечественной войны». Ветераны отвечали на два десятка предложенных вопросов, в том числе: «дата и место рождения», «национальность», «партийность», «время призыва в армию и прохождение службы до начала Великой Отечественной войны», «звание, должность, часть, подразделение, место действия на Бородинском поле и в районе Можайска в 1941 — 1942 гг.», «участие в боях за освобождение республик, городов», «места наблюдательных и командных пунктов на Бородинском поле» и др.

Красноармеец В. А. Шапошников воевал в составе 133-го легкого горновьючного (кстати, редко кто упоминает это название. — Г. Н.) артиллерийского полка. На вопрос «место действия на Бородинском поле» сообщает: «В обороне под селом Утицы и у памятника 1-й конной батарее лейб-гвардии артиллерийской бригады»³⁸.

Для В. М. Целищева после боев на Бородинском поле война фактически закончилась. Василий Михайлович был тяжело ранен в бою у Новой деревни в ночь с 18 на 19 октября 1941 г. После излечения был уволен из Вооруженных Сил. О себе пишет в анкете, что в звании лейтенанта «был командиром пулеметного взвода, потом командиром 2 пулеметной роты 2 батальона 322 сп. Место боев оборона железной дороги у станции Бородино. В пулеметную роту я был переведен в пути следования в Можайск, поэтому солдаты и командиры были мне мало знакомы. Я хорошо знал командира 6-й роты лейтенанта Глухова, который погиб на Бородинском поле»³⁹.

Н. П. Нечаев, в 1941 г. — капитан, командир артиллерийской батареи 322-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии, впоследствии автор книги «На поле Бородинском», прошел путь от Подмосковья до Берлина: «Бородино, Можайск, Орел, Белгород, Киев, Сандомир, Бреслау, Нейсе, Берлин»⁴⁰. Награды: «3 ордена Красного Знамени, орден Суворова II степени, орден Александра Невского, орден Отечественной войны I степени, 2 ордена Красной звезды»⁴¹. О медалях пишет скупно — 10. На вопрос анкеты о ранениях тоже краток: «Шесть раз. Последнее тяжелое ранение с потерей руки получил в боях за Берлин 20 апреля 1945 года»⁴².

Еще один ветеран 322-го стрелкового полка, бывший сержант, командир отделения И. А. Беляев, житель Алтайского края, вспоминает об октябрьских боях юго-западнее села Бородина и о том, что «при бомбежке в воронке от бомбы я нашел французскую каску черного цвета, поврежденную сзади. Я положил ее у дверей музея»⁴³. И рядом, на полях анкеты, рисует эту каску 1812 г. Не скрывает ветеран и своей горечи: «А вот мне Бийский горвоенкомат медаль "За оборону Москвы" не дал, а я ведь кровью ее заработал. Обидно»⁴⁴.

Перечисляя свои ордена и медали один из участников Московской битвы, Макарий Иванович Барчук («красноармеец, автоматчик, стрелок, станковый пулеметчик») ⁴⁵, упоминает и о знаках — «Отличный снайпер», «Отличник санитарной службы». Он также указывает в анкете, что награжден памятным знаком ветерана 32 (29) гвардейской стрелковой дивизии.

Не представляет ветеран, что памятный знак родной дивизии можно просто получить по списку, он считает его такой же высокой наградой, как и те, что получил за воинские отличия. На этом знаке, как и на ветеранских знаках 82-й и 144-й дивизий, 5-й армии среди перечисленных этапов боевого пути почетное место занимают Можайск и Бородино. Именно сюда каждый год с детьми и внуками приезжают ветераны 5-й армии, потому что священная земля Бородинского поля стала навечно их судьбой.

«Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Москву»⁴⁶, — эти слова Г. К. Жукова характеризуют отношение всех участников Великой Отечественной войны к Московской битве. Для многих из них, дошедших до Праги, Кенигсберга, Берлина, закончивших войну в Маньчжурии, испытавших горечь утрат и поражений, салютовавших победам, самыми памятными остались дни боев за столицу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГБМ-938/Д-431.
- ² ГБМ-3446/Д-2093.
- ³ ГБМ-ЮОО/Д-184.
- ⁴ ГБМ-ЮОО/Д-186.
- ⁵ ГБМ-1066/Д-384.
- ⁶ ГБМ-968/Д-361.
- ⁷ НВФ-1129.
- ⁸ НВФ-1122.
- ⁹ ГБМ-930/Д-394.
- ¹⁰ ГБМ-1012/Д-267.
- ¹¹ Битва за Москву. М., 1966. С. 66.
- ¹² ГБМ-1781/Д-899.
- ¹³ ГБМ-1775/Д-893.
- ¹⁴ ГБМ-1778/Д-896.
- ¹⁵ ГБМ-3337/25/Д-1967.
- ¹⁶ ГБМ-3337/24/Д-1966.
- ¹⁷ ГБМ-3337/28/Д-1970.
- ¹⁸ НВФ-2501.
- ¹⁹ НВФ-2789.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² НВФ-1103.
- ²³ НВФ-1167.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ ГБМ-1053/Д-392.
- ²⁶ НВФ-1163.
- ²⁷ НВФ-2501.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ НВФ-1944.
- ³⁰ НВФ-2422.
- ³¹ НВФ-2501.
- ³² НВФ-1944.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ НВФ-1613.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ НВФ-1598.
- ³⁸ НВФ-3364/81.
- ³⁹ НВФ-3364/76.
- ⁴⁰ НВФ-3364/36.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ НВФ-3364/101.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ НВФ-3364/99.
- ⁴⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Москва, 1983. С. 246.